

мены «ъ» буквой «ѣ» и незакономерность «и» в форме «вознзи» вместо «вознзе»). «Ахиллсова пята» традиционной редакции — это, конечно, загадочное «стрикусы», в котором большинство современных комментаторов видит отражение древнегерманского *Strit-axus* и т. д., а отдельные исследователи склонны отождествлять с украинским «стрикати», и т. п. Отсутствие этого слова в лексике древнерусских памятников — серьезная улика против него.³³

В широком же контексте «утрѣ» (в значении «на утро», «на следующий день») очень хорошо уравнивается с «въ плъночи», сохраненным и во второй редакции (Р. О. Яковсона). «Въ плъночи» ~ «утрѣ» (утрѣ) — два полюса времени двух действий, выраженных аористами: «скочи» и «вознзи». Конечное «е» в «утрѣ же» (в издании 1800 г.) сохраняется и в реконструированном «утрѣже».

Кроме того, глагол «вознзи» находит себе внутреннее и внешнее, формальное соответствие в двух резко «ударных» последующих глаголах: «отвори» и «разшибе», образующих вместе с ним трехчлен, объединенный смысловым единством: «вознзи» — «отвори» — «разшибе». Вот аргументы, которыми в той или иной степени можно поддержать общепринятое чтение словосочетания «утрѣ же вознзи стрикусы».

Вторая версия имеет то неоспоримое преимущество, что она ничто не меняет, ничего не реконструирует, а только по-новому расчленяет хорошо известное всем словосочетание «утрѣже вазнистри кусы» Екатерининской копии, которое комментаторы обычно обходили своим вниманием. Все словарные элементы второго чтения, и как лексемы и как грамматические формы, закономерны, что подтверждено сделанным анализом. Эти моменты — очень сильное место и неоспоримое преимущество второй редакции. Единственное, в чем можно усомниться, — это интерпретация словосочетания «с три кусы» как «винительного приблизительного количества». Ведь «три удачи» вешего Всеслава, занявшего Новгород, «расшибшего» славу Ярослава и даже севшего «на столе» в Киеве, как совершенно конкретные факты, вряд ли могли вызвать подобное представление приблизительности. Счет же «трех кусов удачи» у нас не вызывает возражений. И еще деталь. Не будет ли диссонировать глагол «утрѣже» в значении «урвал» и т. д., стоящий в одном ряду с глаголами «отвори» и «разшибе», которые (при первом чтении) располагаются в порядке некоторой восходящей последовательности: «вознзи» — «отвори» — «разшибе»?

Но это — частности. В общем же плане выступает очень существенное соображение. Можно ли допустить, что в Екатерининской копии «вазнистри кусы» было просто случайным сочетанием звуков, набором слов, удивительным образом совпавших с реально существующими словами при расчленении этого сочетания на его составные элементы? Такое совпадение было бы поразительной случайностью, необыкновенной игрой слов, в которую трудно поверить. И это всецело говорит в защиту версии Р. О. Яковсона, столь остроумно дешифровавшего загадочное словосочетание Екатерининского списка, оставшееся неразгаданным в течение целого столетия.

Нашу задачу мы не разрешили до конца. Да, собственно, мы и не собирались делать этого. Мы хотели только проанализировать, действуя

³³ О «стрикусах» как о каком-то оружии древности не высказывает никаких предположений и автор спеднального очерка «Какое значение имеет „Слово о полку Игореве“ в истории оружия» В. Г. Федоров во второй части книги «Кто был автором „Слова о полку Игореве“» (М., 1955, стр. 105 и сл.).